

ЗАМѢТКИ

О ЗНАЧЕНІИ ИГОЛЬЧАТАГО РУЖЬЯ

ВЪ НАСТОЯЩУЮ ВОЙНУ.

Прошло болѣе пятнадцати лѣтъ съ того времени, какъ игольчатая ружья сдѣлались извѣстными въ Европѣ, и, несмотря на то, что ружья эти испытывались во всѣхъ государствахъ, только одна Пруссія приняла ихъ окончательно для вооруженія своихъ войскъ. Затѣмъ вездѣ эти ружья были признаны болѣе или менѣе неудовлетворительными, какъ по сложности и непрочности своего механизма, такъ и по другимъ, менѣе значительнымъ, возраженіямъ. Замѣчательно, что даже американцы, этотъ вполне практическій народъ, не оцѣнили игольчатого ружья, признали его неудобнымъ и почти вовсе не употребляли, въ послѣднюю междуусобную войну, для вооруженія своихъ многочисленныхъ армій.

Но, признавая неудовлетворительность ружей съ игольчатымъ механизмомъ, повсемѣстно признана была вѣрность того принципа, что необходимо имѣть въ войскахъ оружіе, которое давало бы возможность производить въ извѣстныхъ случаяхъ возможно болѣе ускоренную пальбу, что нарѣзные ружья, которыя дѣлаютъ не болѣе одного выстрѣла въ минуту, должны быть замѣнены какою-нибудь другою системою ружей, допускающею болѣе скорую стрѣльбу.

Вслѣдствіе того, во всѣхъ почти государствахъ стали производиться изысканія и опыты надъ ружьями, удовлетворяющими этимъ условіямъ, именно надъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, въ которыхъ упрощенные приемы заряжанія наиболѣе могутъ способствовать ускоренію стрѣльбы. Между прочимъ такіе опыты производились около 1860 года и у

насть, надѣ двухпульными системами Грюна и Росса. Въ этихъ ружьяхъ механизмъ отличается удивительною простотою и притомъ вовсе не допускаетъ прорыва газовъ; обѣ системы дали превосходные результаты, и только совершенно исключительныя обстоятельства были причиною, что тогда же ружья эти не были приняты для вооруженія войскъ. Обстоятельства отчасти заключались въ финансовыхъ затрудненіяхъ, вслѣдствіе внутреннихъ государственныхъ реформъ, отчасти въ томъ, что требовалось и безъ того значительное усиленіе военныхъ расходовъ на другія столь же важныя военныя нововведенія, именно на броненосное судостроеніе и на введеніе нарѣзныхъ артиллерійскихъ орудій. Наконецъ въ то же время только что начинала разыгрываться великая междоусобная война въ Америкѣ, и благоразуміе указывало на необходимость воздержаться отъ значительныхъ затратъ по вооруженію войскъ, съ тѣмъ, чтобы выждать опыта этой войны по части ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Опытъ не замедлилъ выказаться: прусскія игольчатыя ружья были признаны американцами непрактическими, но сознана была необходимость быстро-стрѣляющихъ ружей, что, конечно, лучше всего можетъ быть достигнуто системами, заряжающимися съ казенной части. Изобрѣтательность американцевъ обратила вниманіе на этотъ вопросъ, и новыя системы ружей стали появляться цѣлыми десятками, предлагались сотни различныхъ усовершенствованій. До какой степени было сильно увлеченіе желаніемъ отыскать возможно лучшую систему ружей, достаточно свидѣтельствуетъ то, что даже женщины, для которыхъ въ Америкѣ открыты почти всѣ поприща, занимались ружейнымъ вопросомъ и предлагали новыя системы ружей. Весьма естественно, что, при такой напряженной дѣятельности изобрѣтательнаго американскаго ума, должны были получиться вполнѣ удовлетворительные результаты: съверьянамъ удалось наконецъ придумать ружье, заряжающееся съ казны, которое по прочности и простотѣ механизма, скорости и вѣрности стрѣльбы не заставляетъ желать ничего лучшаго и далеко оставляетъ позади всѣ до сихъ поръ извѣстныя системы ружей. Если не ошибаемся, ружья эти названы *магазинными ружьями*; они были испытаны въ большихъ размѣрахъ на поляхъ сраженій и оказались столь превосходными, что съверьяне считаютъ ихъ одною изъ главныхъ причинъ благополучнаго и скорого окончанія борьбы своей съ Югомъ.

У насъ давно испытывались уже ружья, заряжающіяся съ казны, преимущественно съ металлическими готовыми патронами; но такъ какъ ружья эти не дали удовлетворительныхъ результатовъ, то оружейная комісія остановилась наконецъ на ружьяхъ системы Терри, заряжаемыхъ съ казны готовыми бумажными патронами. Опыты надъ этими ружьями дали вполнѣ хорошіе результаты, и, какъ мы слышали, уже предположено заготовить 25,000 ружей такой системы, 5-линейнаго калибра, для испытанія ихъ въ большихъ размѣрахъ въ стрѣлковыхъ баталіонахъ.

Въ послѣднее же время, сколько намъ извѣстно, американскія ружья испытывались у насъ преимущественно передъ всѣми другими системами. Благодаря сочувствію, которое постоянно существовало между русскими и американцами, артиллеристы наши имѣли возможность получать изъ Америки и лучшіе образцы и наиболѣе вѣрныя указанія опытныхъ американскихъ оружейниковъ. Теперь у насъ испытываются возможно-лучшія системы американскихъ ружей, заряжающихся съ казенной части, и артиллеристы наши усердно заняты рѣшеніемъ вопроса о передѣлкѣ нашихъ винтовокъ на систему, заряжающуюся съ казны. Намъ положительно извѣстно, что дѣло передѣлки винтовокъ должно пойти весьма быстро и что дальность и вѣрность передѣланныхъ ружей нисколько не уступаютъ игольчатымъ, при чемъ передѣланныя винтовки превосходятъ игольчатые ружья прочностію и простотою механизма.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что игольчатое ружье не есть еще крайній предѣлъ усовершенствованія ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Скорѣе можно сказать, что это не болѣе, какъ первый шагъ къ переходу къ ружьямъ быстрострѣляющимъ, т. е. заряжающимся съ казенной части.

Само собою разумѣется, что и этотъ первый опытъ введенія ружей, заряжающихся съ казны, сдѣланный Пруссією, долженъ былъ, въ случаѣ войны, оказать свое вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. До нѣкоторой степени это предвидѣли военные люди, и между прочимъ въ „Военномъ Сборникѣ“, еще въ 1861 году, въ статьѣ „Вліяніе нарѣзаннаго оружія на современное состояніе тактики“, пророчески было высказано авторомъ: „Смѣемъ утвердительно сказать, что первая война, въ которой будетъ участвовать Пруссія, пошатнетъ все преимущество этого оружія и заставитъ ввести его въ прочіе ар-

міяхъ“ (*). И дѣйствительно: еще послѣ датской войны 1864 года, во всѣхъ европейскихъ государствахъ началась усиленная дѣятельность по испытанію прусскихъ игольчатыхъ ружей, но какъ вездѣ въ нихъ найдены были существенные недостатки, то, кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ государствъ, ружья эти не были приняты. Въ первостепенныхъ же государствахъ найдено было необходимымъ сдѣлать многія существенныя измѣненія въ прусскомъ ружьѣ. Такія измѣненія противъ прусской системы ружья, заряжающіяся съ казенной части, предположено было ввести во Франціи, въ Англии, въ Австріи и, какъ выше сказано, и у насъ, въ Россіи, какъ вдругъ настоящая война снова возбудила повсемѣстные толки въ пользу именно прусскаго игольчатого ружья. Весьма многіе спѣшатъ дѣлать заключеніе, что главною причиною успѣховъ прусаковъ—вооруженіе ихъ пѣхоты, что противъ игольчатыхъ ружей невозможно никакая атака, что до сихъ поръ вовсе ничего не слышно о приписываемыхъ имъ недостаткахъ, что недостатки эти существуютъ лишь въ умѣ теоретиковъ, что на дѣлѣ игольчатыхъ ружья выше всякой критики, и что будто бы исключительно имъ прусаки обязаны тѣмъ, что въ какія-нибудь пять недѣль успѣли побороть первостепенную державу, разбивая при всякой встрѣчѣ ея армію, считавшуюся до того времени одною изъ лучшихъ въ Европѣ. Такія заключенія чрезвычайно часто слышатся въ послѣднее время, и, къ сожалѣнію, даже между людьми военными; но немного труда нужно, чтобы выказать всю поспѣшность и даже невѣрность столь скороспѣлыхъ приговоровъ.

Конечно, вооруженіе солдатъ имѣетъ большое значеніе въ ряду условій, обеспечивающихъ успѣхъ на войнѣ; но никогда оно не можетъ быть условіемъ первостепеннымъ и даже однимъ изъ главнѣйшихъ условій успѣха. Есть много условій, имѣющихъ гораздо большее значеніе. Между ними на первомъ планѣ стоятъ нравственные силы арміи и качества ея военачальниковъ, составляющихъ, по выраженію одного военнаго писателя, душу арміи. Въ этихъ-то двухъ отношеніяхъ прусская армія имѣла явный перевѣсъ надъ австрійскою, и имъ болѣе всего обязана своими успѣхами. Прусская армія шла въ дѣло съ увѣренностію въ правотѣ своего дѣла, зная, что она будетъ сражаться за великое дѣло объединенія Германіи, при одной мысли

(*) „Военный Сборникъ“ 1861 г., № 3, стр. 41.

о которомъ сердце каждаго нѣмца бьется съ удвоенною скоростью. Во главѣ ея стояли на первомъ планѣ два принца королевскаго дома, пользующіеся популярностію и въ народѣ, и въ арміи, и самъ король, къ которому армія питаетъ издавна неограниченное довѣріе и уваженіе. При всемъ этомъ, съ самаго начала кампаніи, счастье какъ нельзя болѣе благоприятствовало исполненію превосходныхъ соображеній прусаковъ: безъ выстрѣла, въ нѣсколько дней, они занимаютъ огромныя пространства, почти вездѣ ихъ встрѣчаютъ нѣмцы съ распростертыми объятіями, и, наконецъ, при первыхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ, благодаря неискуству распоряженій противника, имъ удается одержать нѣсколько частныхъ успѣховъ. Все это, конечно, должно было еще больше поднять нравственный духъ прусаковъ, сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно героевъ и тѣмъ окончательно обезпечить успѣхъ какъ кениггрецкаго сраженія, такъ и самаго окончанія кампаніи. Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что во все время кампаніи превосходство силъ было постоянно на сторонѣ прусаковъ.

Съ другой стороны, что же представляла австрійская армія? Племенная рознь сказалась въ эту войну болѣе чѣмъ когда-либо: австрійскіе нѣмцы, эта опора имперской арміи, неохотно шли на братоубійственную войну, болѣе или менѣе сочувствуя планамъ Пруссіи относительно объединенія Германіи и не надѣясь въ душѣ, чтобы эту задачу могла когда-либо исполнить Австрія; венгерцы и итальянцы, особенно послѣдніе, не только не сочувствовали успѣхамъ Австріи, напротивъ, прямыя пользы своего отечества видѣли въ побѣдахъ Пруссіи. Наконецъ, славянскія племена шли на войну совершенно равнодушно; имъ было все равно, кто бы ни побѣдилъ. Быть можетъ, одни только чехи, по давнишней своей враждѣ къ прусакамъ, шли на войну дѣйствительно съ истиннымъ воодушевленіемъ.

Но, скажутъ, во главѣ австрійской арміи стоялъ генералъ, отъ котораго ожидали многого и который пользовался довѣріемъ и расположеніемъ войскъ. Да, это правда; но преждевременныя-то несбывшіяся ожиданія, при сравненіи съ дѣйствительностію, и послужили во вредъ самимъ австрійцамъ. Если бы генералъ Бенедекъ ознаменовалъ начало кампаніи какимъ-нибудь успѣхомъ, то, нѣтъ сомнѣнія, съ разу поднялъ бы духъ своихъ войскъ, упрочилъ бы въ нихъ то довѣріе, которое они питали къ нему. Между тѣмъ, съ самаго начала кампаніи австрійцевъ

только изнурили постоянными, безцѣльными передвиженіями, тяжесть которыхъ еще болѣе выказывалась при злоупотребленіяхъ и неустройствѣ, присущихъ австрійской администраціи; войска стали падать духомъ, прежде чѣмъ дошло до встрѣчи съ непріателемъ; ошибки командующихъ окончательно подорвали къ нимъ довѣріе войскъ и усилили то равнодушіе къ исходу войны, корень котораго лежалъ въ самой разноплеменности австрійской арміи. Таковы были причины, такъ сказать, политическія и стратегическія, неудачъ австрійцевъ; но, кромѣ того, были причины, которыя мы позволимъ себѣ назвать тактическими и которыя болѣе всего подали поводъ къ заключенію, будто бы австрійцевъ побѣдили именно игольчатые ружья пруссаковъ. Передъ началомъ кампаніи, австрійцамъ отдало было приказаніе, чтобы они не тратили времени на перестрѣлки, а преимущественно дѣйствовали штыкомъ. Согласно съ этимъ дѣйствовали австрійцы подъ Скалицемъ, при Траутенау, подъ Кениггрецомъ и въ другихъ сраженіяхъ. Не обстрѣлявъ хорошенько непріателя артилерійскимъ огнемъ, не ослабивъ его даже огнемъ стрѣлковъ, они прямо устремлялись въ атаку, нерѣдко съ воодушевленіемъ, но почти никогда не могли сойтись съ пруссаками, будучи поражаемы самымъ частымъ и мѣткимъ огнемъ. Мы, конечно, далеки предполагать, что если бы передъ атаками австрійцы дѣйствовали болѣе огнемъ, то тѣмъ самымъ уже обезпечивали бы себѣ успѣхъ дѣла. Нѣтъ; но намъ кажется, что въ обращеніи съ игольчатымъ ружьемъ должна быть большая разница, когда имъ дѣйствуютъ внѣ сѣеры непріятельскаго огня или же подъ выстрѣлами. Находясь подъ огнемъ, самые храбрые люди невольно теряютъ свое хладнокровіе, свое обычное спокойствіе, вовсе не изъ трусости, а просто отъ волненія, отъ какой-то досады, что вотъ непріатель бьетъ нашихъ, а мы не можемъ сейчасъ же отплатить ему тѣмъ же. При такомъ состояніи духа, не думаемъ, чтобы стрѣльба изъ игольчатыхъ ружей, требующая весьма акуратнаго и точнаго обращенія съ ружьемъ, была очень успѣшна. Если, при ударныхъ ружьяхъ, случалось, и нерѣдко, что, дѣйствуя подъ огнемъ или въ пылу сраженія, солдаты, въ суетѣ, въ волненіи, досылали по два заряда въ дуло, спускали курки не надѣвъ капсюля, и т. под., то тѣмъ болѣе можно ожидать замѣчателъства въ рядахъ при дѣйствіи ружей игольчатыхъ. Въ справедливости этого замѣчанія отчасти могутъ служить примѣры изъ нынѣшней же войны,

именно дѣйствіи баварцевъ противъ пруссаковъ. Другими были вооружены игольчатыми ружьями, а баварскіи войска ружьями Минье. Баварцами очень плохо распорядились, потому они нигдѣ не могли одолѣть пруссаковъ, но въ дѣлахъ въ этомъ они себя совершенно иначе, чѣмъ австрійцы: они соображали атаку не днаше, какъ предварительно обстрѣлавъ королевское лагеря. Атаки ихъ очень часто были обливаемы; иногда баварцы вовсе не несли столь значительныхъ потерь, какъ австрійцы, и вовсе не находили нужнымъ сваливать причину своихъ пораженій на игольчатые ружья. Замѣчательно даже, что, при дѣйствіяхъ противъ баварцевъ, пруссаки жаловались, что имъ очень вредили баварскіе стрѣлки, между тѣмъ какъ при дѣйствіяхъ противъ австрійцевъ они и не замѣчали знаменитыхъ тирольскихъ стрѣлковъ.

Итакъ, если игольчатые ружья и наносили громадный вредъ австрійцамъ, то въ этомъ виноваты болѣе всего сами же австрійцы. Мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы стрѣльба изъ игольчатого ружья не наносила противнику болѣе вреда, чѣмъ огонь обыкновенныхъ нарѣзныхъ ружей; намъ кажется только, что громадные потери въ людяхъ у австрійцевъ могли бы быть значительно уменьшены, если бы сами австрійцы тактически дѣйствовали болѣе искусно.

Что же касается, наконецъ, до того, будто бы въ настоящую кампанію вовсе не выказались тѣ недостатки, которые приписывали игольчатымъ ружьямъ, то подобное заключеніе черезчуръ поспѣшно. Во-первыхъ, успѣхъ скрываетъ весьма многое, что рѣзко выходитъ наружу лишь при неудачѣ; во-вторыхъ, если недостатки и обнаруживались, то развѣ прусское правительство допустить ихъ опубликованіе? Это значило бы прямо подрывать довѣріе своихъ войскъ къ имѣющемуся у нихъ оружію. Если бы игольчатые ружья оказались даже никуда негодными, то и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, въ прусскихъ донесеніяхъ постоянно встрѣчалась бы фраза: „игольчатые ружья дѣйствовали хорошо“. Это совершенно понятно и естественно.

Такимъ образомъ, признавая, что игольчатое ружье лучше ружей, заряжающихся съ дула, никакъ нельзя согласиться, чтобы оно было главною и важнѣйшею причиною успѣховъ пруссаковъ, и что игольчатое ружье есть образецъ, который безпрекословно долженъ быть принятъ во всѣхъ арміяхъ. Конечно,

игольчатое ружье много помогло прусакамъ къ одержанію побѣды надъ австрійцами; но сами австрійцы неискустvomъ своихъ дѣйствій болѣе всего обезпечивали успѣхъ противнику и доставили ему полнѣйшую возможность извлечь всю пользу изъ своего вооруженія. Увлекаться, на основаніи настоящаго опыта, игольчатыми ружьями значить придавать слишкомъ мало значенія достоинствамъ полководца и солдата, составлявшимъ всегда и вездѣ главное и лучшее орудіе для войны.

Н. Г.
